

ПРАЗДНОВАНИЕ ЛИЦЕЙСКИХЪ ГОДОВЩИНЪ

ВЪ ПУШКИНСКОЕ ВРЕМЯ.

(по поводу 50-лѣтняго юбилея лицея, 19 октября 1861)(*).

— — —

Кто не знаетъ четырехъ вдохновенныхъ стихотвореній Пушкина, написанныхъ по случаю лицейской годовщины въ 1825, 1827, 1831 и 1836 годахъ? Они въ свое время печатались въ альманахахъ и журналахъ, потомъ перепечатывались въ разныхъ сборникахъ и помѣщены съ объяснительными примѣчаніями въ изданіяхъ его сочиненій, а въ послѣднемъ изданіи (1859 г.) даже помѣче чѣмъ слѣдуетъ, съ восстановленіемъ отброшенныхъ поэтомъ строфъ, что вызвало въ

(*) «Историческій очеркъ бывшаго царскосельскаго, нынѣ александровскаго лицея». Составленъ И. Селезевымъ. Санктпетербургъ, 1861. Большой томъ, 524 и 201 стр.

Этотъ очеркъ, составленный къ пятидесятилѣтнему юбилею, очень-интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ изложены, между-прочимъ, причины, побудившія къ основанію лицея при существованіи университетовъ, и порядокъ преподаванія и *воспитанія*. Планъ лицея задуманъ въ первые годы царствованія Александра I и находится будто-бы въ связи съ тѣми преобразованіями, о которыхъ много говорили въ то время. Доказательствъ этому въ книгѣ мы не видимъ, но тамъ приведенъ тогдашній взглядъ дворянства на университеты и гимназіи. Эти заведенія считались въ то время чѣмъ-то въ родѣ семинарій. Имъ давалось назначеніе готовить учителей и профессоровъ. Въ книгѣ сказано: «Дворянство, считавшее исключительною обязанностью своею службу государственную, само избѣгало гимназій. оно, будучи по духу коренныхъ учреждений, столь рѣзко отлечено отъ прочихъ сословій, не оказывало довѣрія къ гимназіямъ и парализировало благотельныя попеченія высшаго правительства, открывавшаго гимназіи для людей всякаго состоянія». Послѣднія слова взяты г. Селезевымъ изъ циркуляра министра народнаго просвѣщенія въ 1833 году; можно себѣ представить, что было въ 1810 году, когда Александръ I-й передалъ графу Разумовскому «проектъ» лицея, который предположено учредить съ цѣлію образованія юношества, *особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной* и составляемаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ *знатныхъ фамилій*. Говорятъ, будто-бы проектъ писалъ Лагарпъ, наставникъ Александра I-го. Графъ Разумовскій сдѣлалъ въ этомъ проектѣ много замѣчаній относительно предметовъ обученія; между-прочимъ, о

прошломъ году остроумную замѣтку въ «Современникѣ». Все это должно быть хорошо извѣстно нашимъ читателямъ, и потому не требуетъ повтореній. Но 50-лѣтній юбилей лица даетъ намъ поводъ, въ дополненіе къ извѣстному уже, сообщить нѣсколько воспоминаній о празднованіи лицейскихъ годовщинъ въ прежнее время. Объ этихъ дружескихъ сходкахъ остались еще нѣкоторыя, хотя весьма-немногія, письменныя свидѣтельства: стихотворенія, письма и протоколы засѣданій, хранящіяся у М. Л. Яковлева, который, по выпускѣ изъ лица, больше всѣхъ хлопоталъ о сходкахъ товарищей, устраивалъ пирушки, собиралъ лицейскую старину, и потому получилъ названіе «лицейскаго старосты». Съ этими воспоминаніями мы и намѣрены ознакомить читателей, благодаря обязательности г. Яковлева, сообщившаго намъ упомянутыя бумаги; изъ которыхъ извлекаемъ, однакожь, только могущее имѣть какой-нибудь интересъ внѣ личной сферы.

Празднованіе годовщины лица началось съ перваго же года его существованія, какъ видно изъ неизданнаго стихотворенія Илличевского на 19 октября 1822 г.: онъ упоминаетъ, что въ-теченіе 11-ти лѣтъ товарищи его не пропускали этого дня. Письменные же воспоминанія о немъ сохранились, и то съ перерывами, лишь съ 1822 г. Этотъ день проведенъ у Илличевского, какъ свидѣтельствуется то же стихотвореніе. Но мы не будемъ утомлять вниманіе читателей описаніемъ праздника, въ которомъ Пушкинъ, находившійся тогда на югѣ Россіи, не участвовалъ, и не приводимъ ни именъ пятнадцати при-

преподаванія философіи замѣтилъ: «Исторія мнѣній философскихъ о дунѣ, идеяхъ и мѣрѣ, большею частію нелѣпныхъ и противорѣчащихъ между собою, не озаряетъ ума полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и недоумѣніями». Естественная исторія не допускалась графомъ Разумовскимъ, потому-что она есть принадлежность «ученыхъ», а для государственной службы не нужна. Вообще, курсъ наукъ сообразовался не съ систематическимъ изученіемъ какой-нибудь вѣтви наукъ, не было, такъ-сказать, факультетомъ университета, а состоялъ изъ предметовъ, «приличныхъ важнымъ частямъ государственной службы и необходимыхъ для благовоспитаннаго юноши», какъ сказано въ уставѣ, то-есть имѣлъ *практическій* характеръ. Значеніе и цѣль лица очень-много поясняются тѣмъ, что это заведеніе сравнено съ пажескимъ корпусомъ; изъ него, какъ и изъ пажескаго корпуса, при поступленіи въ военную службу, пользовались одинаковыми правами. При поступленіи въ гражданскую службу, онъ давалъ воспитанникамъ права IX-го класса.

Излишне говорить, насколько былъ вызванъ подобный уставъ преобразованиями, готовившимися въ началѣ XIX вѣка, и просто сословными отношеніями. Но съ теченіемъ времени, когда въ университеты начали поступать «знатныя фамиліи», наравнѣ съ незнатными, и университеты получили преобладающее значеніе въ государствѣ, отличительнымъ признакомъ лица, надо полагать, осталась система *образованія и воспитанія эмъсть*, которая въ настоящее время заслуживала бы разбора.

существовавшихъ, ни сочиненныхъ на этотъ день стиховъ Дельвигомъ и Иличевскимъ. Подробности, касающіяся какъ этой, такъ и другихъ подобныхъ сходокъ, и любопытныя голько для небольшого кружка, но скучныя для большинства читателей, сохранены въ переданной въ бібліотеку лицея рукописи предлагаемой статьи, изъ которой сообщаемъ, для печати, только небольшое, имѣющее литературное значеніе, и преимущественно относящееся къ великому поэту, которому лицей прежде всего и обязанъ своимъ значеніемъ.

О празднованіи годовщины въ 1823 г., также въ 1829, 1830 и 1832 г., свѣдѣній не сохранилось. Въ октябрѣ первыхъ трехъ лѣтъ Пушкинъ не былъ въ Петербургѣ, а въ 1832 г., хотя находился здѣсь и, вѣроятно, участвовалъ въ праздникѣ, но письменныхъ свидѣтельствъ о томъ не осталось.

Въ 1824 г. на сходкѣ въ квартирѣ у жившихъ вмѣстѣ Вольховскаго, Стевена и Яковлева, между-прочимъ, положено: по прошествіи 10 лѣтъ послѣ выпуска, то-есть въ 1827 г., праздновать серебряную дружбу, а по прошествіи 20 лѣтъ золотую, и уведомить о томъ отсутствующихъ, чтобы они могли прибыть къ этому сроку. Но съ теченіемъ времени и уменьшеніемъ товарищескаго кружка, предположеніе это забыто, а въ годъ, назначенный для празднованія золотой дружбы, не стало и Пушкина. Въ-заключеніе ужина Дельвигъ сочинилъ слѣдующій экспромтъ, пропѣтый тутъ же хоромъ на голосъ извѣстной пѣсни Коцебу «Es kann doch nicht immer so bleiben»:

Семь лѣтъ пролетѣло, но дружба
Ты та же у старыхъ друзей
Все любишь лицейскія пѣсни,
Все сердцу твердишь про лицей.

Останься жь вѣкъ нашей хозяйкой,
И долго въ сей день собирай
Друзей, не старѣющихъ сердцемъ,
И имъ старину вспоминай ..

Въ 1825 г. собрались уже только семь человѣкъ, и въ томъ числѣ Кюхельбекеръ, постоянно находившійся въ отлучкахъ изъ Петербурга и праздновавшій съ товарищами лицейскую годовщину только разъ, именно въ роковомъ для него 1825 году. На этой пирушкѣ Дельвигъ и Иличевскій импровизировали куплеты, тогда же пропѣтые на голосъ застольной пѣсни изъ «Волшебнаго Стрѣлка». Ограничиваемся приведеніемъ изъ нихъ лишь перваго и послѣдняго, такъ-какъ все стихотвореніе весьма слабо:

Въ третій разъ, мои друзья,
Вамъ пою куплеты я
На пиру-лицейскомъ.

О, моя, повѣрьте, тѣнь
Огласить сей братскій день
Въ царствѣ елисейскомъ ...

И въ четвертый разъ, друзья,
Воспою охотно я
Вамъ лицейскій праздникъ.
Лейся сжонка черезъ край,
Ты жь, подь голосъ нашъ играй,
Яковлевъ проказникъ!

Къ тому же дню относится первая изъ лицейскихъ годовщинъ Пушкина («Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»), написанная въ Михайловскомъ. Изъ товарищей, о которыхъ вспоминаетъ «опальный затворнигъ» въ своей трогательной элегіи, на сходкѣ не было никого, кромѣ Дельвига.

Къ 1826 г. относится слѣдующее неизданное стихотвореніе Илличевского:

Хвала лицейскимъ! святъ обѣтъ
Ихъ день сей праздновать свиданьемъ.
Уже мы розно девять лѣтъ,
Не связаны воспоминаньемъ.
И что же время намъ? оно
Расторгнуть братскихъ узъ не смѣетъ,
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнеть, чѣмъ старѣетъ.

На тотъ же день написано слѣдующее неизданное стихотвореніе Дельвига:

Снова, други, въ братскій кругъ
Собралъ насъ отецъ похмѣля —
Подымите жъ кубки вдругъ,
Въ честь и дружбы, и веселья!

Но на время омрачимъ
Мы веселье наше, братья,
Что мы двухъ друзей не зримъ,
И не ждемъ въ свои объятя.

Нѣтъ ихъ съ нами, но въ сей часъ
Въ ихъ сердцахъ пылаетъ пламень.
Вѣрьте, внятенъ имъ нашъ гласъ,
Онъ проникнетъ твердый камень.

Выпьемъ, други, въ память ихъ!
Выпьемъ полные стаканы
За далекихъ, за родныхъ,
Будемъ нынѣ вдвое пьяны!

Упоминаемые здѣсь друзья — Пушинъ и Кюхельбекеръ...

Въ томъ же году Пушкинъ обратился къ первому изъ нихъ съ трогательнымъ, заочнымъ привѣтомъ, достигшимъ цѣли только 5 января 1828 г., въ день пріѣзда Пушина изъ Шлиссельбурга въ Читу. Воспоминаніе объ этомъ, связанное съ воспоминаніями о лицейскихъ го-

довщинахъ, сохранилось въ «Запискахъ» его о Пушкинѣ, напечатанныхъ въ «Атенеѣ» 1857 г. (т. II, стр. 500—537) съ значительными выпусками, которые помѣщены въ одномъ изъ альманаховъ на текущій годъ. Записки эти были сообщены намъ въ оригиналѣ, изъ котораго приводимъ слѣдующій отрывокъ съ двумя стихотвореніями, явившимися въ печати съ измѣненіями противъ рукописи:

...«Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу, призываетъ меня А. Г. Муравьева, и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ сѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое провидѣнье:
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней!

Псковъ. 13 дек. 1826.

«Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаньи (*). Увы! я не могъ даже пожать руку той женщины, которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга, но она поняла мое чувство безъ всякаго внѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ-быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ, а Пушкину, вѣрно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколь, Александра Григорьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго, предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мной, и рада, что могла наконецъ исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу — такимъ-образомъ были они напечатаны; а въ 1842 г. братъ мой Михайль отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ за вѣтныхъ моихъ сокровищъ.»

...«Я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина: мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвши-

(*)

...поэта домъ опальный,

О Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ..

(Изъ стихотворенія 19 окт. 1826 г.)

мися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Ангельгардта, умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи 19 октября 1827 года:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
 Въ заботахъ жизни, царской службы,
 И на пирахъ разгульной дружбы
 И въ сядкихъ таинствахъ любви!
 Богъ помощь вамъ, друзья мои,
 И въ счастье, и въ житейскомъ горѣ,
 Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ,
 И въ темныхъ пропастяхъ земли!

«И въ эту годовщину, въ кругу товарищей-друзей, Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма (Кюхельбекера), которыхъ они не досчитывались на лицейской сходкѣ.»

Эти трогательныя обращенія къ Пушину и Кюхельбекеру напоминаютъ написанное въ томъ же году извѣстное посланіе Пушкина: «Во глубинѣ сибирскихъ рудъ», невошедшее въ изданіе его сочиненій, но напечатанное, также какъ и отвѣтъ на это посланіе:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
 До слуха нашего дошли..

въ одномъ изъ альманаховъ и перепечатанное въ изданномъ въ 1858 г. «Собраніи стихотвореній Пушкина и другихъ лучшихъ авторовъ» (стр. 10 и 218).

Въ 1828 г. лицейскую годовщину праздновали у Тыркова, гдѣ присутствовалъ и Пушкинъ. Принималъ ли онъ личное участіе въ прежнихъ подобныхъ торжествахъ до отсутствія изъ Петербурга съ 1820 по 1827 г. — не знаемъ, не имѣя на то указаній. Протоколъ этой сходки записанъ Пушкинымъ, и потому представляемъ его вполнѣ, съ сохраненіемъ свидѣтельствующихъ о беззабогной веселости этого дружескаго кружка лицейскихъ прозвищъ, на означеніе коихъ дали согласіе тѣ изъ находящихся въ живыхъ, которымъ они принадлежали.

«Собрались на пепелище ск. курнофеюса Тыркова (по прозвищу кирпичнаго бруса) 8 человекъ ск....., а именно: Дельвигъ—Тоса, Иличевскій—Олесенька, Яковлевъ—паясъ, Корфъ—дьячокъ Морданъ, Стевень — шведъ, Тырковъ (смотри выше), Комовскій — лиса, Пушкинъ— французъ (смѣсь обезьяны съ тигромъ) (*).

(*) Для объясненія прозваній, приводимъ нѣсколько строкъ изъ сообщенной намъ барономъ М. А. Корфомъ записки «Самая подпись протокола этими прозвищами доказываетъ, что никто не считалъ ихъ для себя обидою, да и при тогдашнихъ нашихъ, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, понятіяхъ. Сколько могу припомнить, это было такъ: Яковлевъ—паясъ, по чрезвычайному дару къ самымъ разнороднымъ фар-

а) Пѣли извѣстный лицейскій пѣанъ *Лѣто, знойна*.

НВ. Пушкинъ-французъ открылъ и согласилъ съ нимъ соч. Олесенька, что должно, вмѣсто общеупотребляемаго припѣва *Лѣто знойно*, пѣть какъ выше означено (*).

б) Вели бесѣду.

с) Выпили вдоволь пхъ здоровій.

д) Пѣли рефутацію г-на Беранжера (**).

е) Пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ (***)

ф) Пѣли ск..... куплеты прошедшихъ шести годовъ.

г) Олесенька, въ видѣ французскаго тамбур-мажора, утѣшалъ собравшихся.

h) Тырковіусъ безмолвствовалъ.

і) Толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновенія ск..... ..

к) Паясъ представлялъ восковую персону.

l) И завидѣвъ на дворѣ часть первый и стражу вторую, ск..... .. разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику императорскаго лица Пушкину-французу, иже написа сію грамоту.»

Слѣдуютъ собственноручныя подписи присутствовавшихъ, съ ихъ прозвищами.

самъ и къ передразниванію; Корфъ — дьячокъ Морданъ, первое вслѣдствіе особеннаго знанія имъ церковныхъ службъ, послѣднее изъ передѣлки его имени Модестъ (какъ у Дельвига изъ Антона—Тося, а у Иличевскаго изъ Алексѣя—Олесенька); Комовскій, очень-проворный и лукавенькій (въ школьномъ смыслѣ) мальчикъ—лиса. Тырковъ былъ курносъ, и какого-то смугло-бурого цвѣта (кирпичный брусъ); Стевень былъ точно шведъ, родомъ изъ Финляндіи; наконецъ Пушкина прозвали французомъ еще съ первыхъ почти дней лицейской жизни, потому-что онъ поступилъ къ намъ съ совершенно французскимъ воспитаніемъ»

(*) Пушкинъ говоритъ о неизданномъ стихотвореніи Иличевскаго, написанномъ въ духѣ Тредьяковскаго и въ подражаніе ему :

Лѣто знойно, дщерь природы,
Идетъ къ намъ въ страну.

Этотъ пѣанъ принадлежалъ къ числу лицейскихъ, такъ-называемыхъ «патріотическихкихъ пѣсень», которыхъ намъ извѣстно до 15, и сочиненъ въ первые годы лицейской жизни, потому-что встрѣчается въ рукописныхъ журналахъ и сборникахъ того времени до 1816 года.

(**) Часть ея приведена выѣ.

(***) Неизданное стихотвореніе Дельвига:

Друзья, повѣрьте, не грѣшно
Любить съ виномъ бокаль:
Вино на радость намъ дано,
Царь Соломонъ сказалъ.
Будь святъ его законъ, и проч.

Упомянутая «рефутація» есть неизданная пародія Пушкина на извѣстную пѣсню *T'en souviens-tu, disait un capitaine*:

Ты помнишь ли, ахъ, ваше благородье,
 Мусье французъ г.....й капитанъ,
 Какъ помнятся у насъ въ простонародьи
 Надъ нехристею побѣды Россіянъ?
 Хоть это намъ не составляетъ много,
 Не изъ иныхъ мы прочихъ, такъ сказать;
 Но встарь мы васъ наказывали строго,
 Ты помнишь ли, скажи,.....

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
 Перешагнувъ, напалъ на васъ въ расклохъ?
 Какъ нашъ старикъ трепалъ васъ, живодеровъ,
 И васъ давилъ на поготкѣ, какъ блохъ?
 Хоть это намъ, и проч.

Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ Европу
 На насъ однихъ вашъ Бонапартъ-буянъ?
 Французовъ видѣли тогда мы многихъ....,
 Да и твою, г.....й капитанъ!
 Хоть это намъ, и пр.

Выраженіе «воспитанику лицей» также требуетъ поясненія: Пушкинъ, уволенный отъ службы съ 1824 г. и, по недоброжелательству ли начальства, или по своей безпечности, неимѣвший письменнаго вида, предъявлялъ, при частыхъ своихъ переѣздахъ, лицейскій аттестатъ, въ которомъ былъ названъ воспитанникомъ. Протоколъ оканчивается слѣдующимъ четверостишіемъ Пушкина:

Усердно помолившись Богу,
 Лицею прокричавъ ура,
 Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
 А вамъ въ постель уже пора.

Пушкинъ тогда же уѣхалъ изъ Петербурга, и 27 октября былъ уже въ деревнѣ Вульфовъ Малинникахъ (Тверской Губ.), какъ свидѣтельствуется написанное тамъ въ этотъ день посвященіе къ только-что оконченной «Полтавѣ».

Въ 1831 г., къ которому относится стихотвореніе Пушкина: «Чѣмъ чаще празднуетъ лицей», собрались у Яковлева, на Литейной, 6 человекъ, но Пушкинъ не былъ, какъ сказано въ протоколѣ, «потому только, что не нашелъ квартиры», въ которой происходила, сходка. Въ числѣ умершихъ «шести друзей», воспоминаемыхъ поэтомъ, находится и скончавшійся въ январѣ того года Дельвигъ, обращеніе къ которому такъ художественно завершаетъ стихотвореніе.

На 19 октября 1833 г., которое Пушкинъ провелъ въ селѣ Болдывѣ, Нижегородской Губерніи, написаны Иллчевскимъ слѣдующія строки:

Опять мы на лицейскій праздникъ
 Соединились въ кругъ родной.
 Спасибо, Яковлевъ проказникъ,
 Ты староста у насъ лихой!
 Лицей, когда мы соберемся,
 Въ насъ обновляется опять.
 Смотрите жь, братцы, поклонемся
 День этотъ вѣчно поминать.

Въ 1834 г. собрались у Яковлева 7 человекъ, и въ томъ числѣ Илличевскій и Пушкинъ, который письменно спрашивалъ Яковлева: «Здѣсь, у тебя празднуемъ мы годовщину? не правда ли? 19 октября 1834 г. № 14.» Но подробныхъ свѣдѣній объ этомъ днѣ не осталось. Замѣтимъ кстати, что всѣ товарищи Пушкина имѣли въ лицей особня комнаты, означенныя нумерами, и сохранили обычай, и по выпускѣ, называть иногда другъ-друга по комнатнымъ нумерамъ. Пушкинъ, имѣвшій въ лицей комнату подъ № 14, подписывался такъ иногда въ своей дружеской корреспонденціи, какъ увидимъ и ниже. Эта же цифра, соотвѣтствующая послѣдней согласной буквѣ его фамилии (*н*), встрѣчается и въ подписи подъ лицейскими его стихотвореніями первыхъ лѣтъ.

Въ 1835 г. собрались у Яковлева тѣ же лица, исключая Илличевского, который не былъ по болѣзни; но подробнѣйшихъ воспоминаній также не сохранилось.

Для празднованія двадцатипятилѣтія лица въ 1836 г. бывшій директоръ лица, Е. А. Энгельгардтъ предлагалъ Яковлеву соединить, по крайней-мѣрѣ, три выпуска, но мысль эта не встрѣтила сочувствія между ветеранами. Яковлевъ, раздѣлявшій мнѣніе послѣднихъ, написалъ объ этомъ Пушкину, подписавшись № 39, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

«Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего, для двадцатипятилѣтняго юбилея, измѣнять старинные обычаи лица. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній лицеистъ *одинъ* будетъ праздновать 19 октября. Объ этомъ не худо напоминать. № 14.»

Съ этимъ мнѣніемъ согласились и прочіе. Двадцатипятилѣтіе праздновалось у Яковлева. Собрались: Юдинъ, Мясоѣдовъ, баронъ Гревеницъ, Мартыновъ, баронъ Корфъ, Пушкинъ, Илличевскій, Комовскій, Стевенъ и Данзасъ, изъ которыхъ теперь только четверо въ живыхъ. Вотъ записанный Пушкинымъ протоколъ этой сходки:

«Собрались вышеупомянутые господа лицейскіе въ домѣ у Яковлева, и пировали слѣдующимъ образомъ:

- 1) Обѣдали вкусно и нумно.
- 2) Выпили три здравія (по заморскому toasts):

- а) за двадцатипятилѣтіе лица,
- б) за благоденствіе лица,
- с) за здоровье отсутствующихъ.

3) Читали письма, писанныя вѣкогда отсутствующимъ братомъ, Кюхельбекеромъ, къ одному изъ товарищей (*).

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали лицейскую старину.»

Слѣдующій конецъ протокола дописанъ Яковлевымъ:

6) Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-лѣтіе лица; но всѣхъ стиховъ не припомнилъ, и кромѣ-того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщаль докончить, списать и приобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

По свидѣтельству Яковлева, поэтъ только-что началъ читать первую строфу, какъ слезы полились изъ его глазъ, и онъ не могъ продолжать чтенія. П. В. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина» (стр. 425) прибавляетъ: «Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на диванъ... Другой товарищъ уже прочелъ за него послѣднюю лицейскую годовщину.» Замѣтимъ, что Пушкинъ читалъ наизусть, и, слѣдовательно, никто не могъ дочитать его стиховъ. Обѣщанію Пушкина окончить ихъ не суждено было исполниться: имъ уже овладѣло тревожное состояніе духа вслѣдствіе злорѣчія, распространявшагося въ окружавшемъ его свѣтскомъ обществѣ — и черезъ три мѣсяца Россія лишилась великаго поэта.

Одновременно съ предсмертною пѣснью Пушкина, освятившею 25-лѣтнюю годовщину лица, раздался съ противоположнаго конца Россіи голосъ Кюхельбекера, едва черезъ 20 лѣтъ достигнувшій Петербурга. Пишущій эти строки получилъ въ 1856 г. тетрадь неизданныхъ его стихотвореній, изъ которыхъ слѣдующія два составляютъ грустный эпилוגъ къ циклу произведеній, вызванныхъ днемъ основанія лица:

19 октября 1836 г.

Шумитъ потокъ времени. Ихъ темный валъ
Вновь выплеснулъ на берегъ жизни нашей
Священный день, который полной чашей
Въ кругу друзей и я торжествовалъ...
Давно... Европы стражъ — съдой Уралъ,
И Енисей, и степи, и Байкалъ
Теперь межъ нами. На крылахъ печали
Любовью къ вамъ несусь изъ темной дали,

(*) С. Д. Ком—му.

Поминокъ нашей юности — и я
 Ихъ праздновать хочу Воспоминанья!
 Въ лучахъ дрожащихъ тихаго мерцанья
 Воскресните! Предстаньте мнѣ, друзья!
 Пусть созерцаетъ васъ душа моя,
 Всѣхъ васъ, лица нашего семья!
 Я съ вами былъ когда-то счастливъ, молодъ:
 Вы съ сердца свѣете туманъ и холодъ.

Чьи рѣзче всѣхъ рисуются черты
 Предъ взорами моими? Какъ перуны
 Сибирскихъ грозъ, его златяя струны
 Рокочуть... Пушкинъ, Пушкинъ! это ты!
 Твой образъ — свѣтъ мнѣ въ морѣ темноты,
 Твои живыя, вѣщія мечты
 Меня не забывали въ ту годину,
 Какъ пилъ и ты, уединенъ, кручину (*).

Тогда и ты, какъ никогда Назонъ,
 Къ родному граду простиралъ объятя;
 И надъ Невой затрепетали братья,
 Услышавъ гармоническій твой стонъ.
 Съ сѣдаго Пейпуса, волшебный, онъ
 Раздался, прилетѣлъ и прервалъ сонъ.
 Дремоту нашихъ мелкихъ попечений,
 И погрузилъ насъ въ волны вдохновеній.

О, братъ мой! много съ той поры прошло:
 Твой день прояснѣлъ, мой покрылся тьмою;
 Я сталъ знакомъ съ Торкватовой судьбою.
 И что жъ? опять передо мной свѣтло:
 Какъ сонъ тяжелый, горе протекло;
 Мое свѣтило изъ-за тучъ чело
 Вновь подняло — гляжу въ лицо природы,
 Мнѣ отданы долины, горы, воды.

О, другъ! хотя мой волосъ посѣдѣлъ,
 Но сердце бьется мододо и смѣло.
 Во мнѣ душа переживаетъ тѣло,
 Еще мнѣ божій мѣръ не надоѣлъ:
 Чтó ждетъ меня? Обманы нашъ удѣлъ,
 Но въ эту грудь возилось много стрѣлъ;
 Терпѣлъ я много, обливался кровью,
 любовью (**).

Тотъ же далекій голосъ привѣтствовалъ 26-ю годовщину, которая уже не имѣла прежняго праздничнаго характера, но была мрачною-тризною по великомъ поэтѣ. Вотъ это стихотвореніе, которымъ и оканчиваемъ наши замѣтки:

(*) Воззваніе Пушкина въ Кюхельбекеру въ стихотвореніи 19 октября 1825:

Скажи, Вильгельмъ! не то ль и съ нами было,
 Мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ?

(**) Неразобранный стихъ.

19 ОКТЯБРИ 1837.

Блаженъ, кто палъ, какъ юноша Ахилль,
 Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
 Въ срединѣ поприща побѣды и славы,
 Исполненный несокрушенныхъ силъ!
 Блаженъ! лицо его, всегда младое,
 Сіяніемъ безсмертія горя,
 Блеститъ какъ солнце, вѣчно золотое,
 Какъ первая эдемская заря.

А я одинъ средь чуждыхъ мнѣ людей
 Стою въ ночи, беспомощный и хилый,
 Надъ страшною вѣсѣхъ надеждъ моихъ могилой,
 Надъ мрачнымъ гробомъ вѣсѣхъ моихъ друзей.
 Въ тотъ гробъ бездонный, молніей сраженный,
 Послѣдній палъ родимый мнѣ поэтъ...
 И вотъ опять лицае день священный,
 Но Пушкина уже межъ вами нѣтъ!

Не принесетъ онъ новыхъ пѣсенъ вамъ,
 Отъ нихъ не затрепещутъ груди ваши,
 Не выпьетъ съ вами онъ заздравной чаши —
 Онъ воспарилъ къ заоблачнымъ друзьямъ...
 Пора и мнѣ!.. Я вынесъ заточенье,
 Изгнаніе, разлуку, сиротство;
 Но подъ щитомъ святаго вдохновенья
 И здѣсь во мнѣ пылало божество!

Теперь пора! Не пламень, не Перунъ
 Меня убилъ; нѣтъ! вязну средь болота;
 Горюю давятъ нужды и забота,
 И я отвыкъ отъ позабытыхъ струнъ.
 Мнѣ ангелъ пѣсней рай въ темницѣ душной
 Когда-то созидаль изъ сновъ златыхъ;
 Но безъ него не трупъ ли я бездушный
 Средь труповъ столь же холодныхъ и нѣмыхъ?

Впослѣдствіи празднованіе 19 октября совершенно утратило первобытный характеръ. Еще Пушкинъ въ послѣднемъ своемъ стихотвореніи на этотъ день сказалъ:

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
 Съ приходомъ дѣтъ, какъ мы, перебѣлся;
 Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
 Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
 Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
 Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
 И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
 И чаще мы вдыхаемъ и молчимъ.

По смерти же поэта, праздновавшіе годовщину лицае сидѣли еще просторнѣе и грустнѣе, и если немногіе, остававшіеся въ Петербургѣ, сходились между собою, то уже совершенно келейно, безъ пѣсенъ и стиховъ. Потомъ въ этотъ день собиралъ у себя бывший

директоръ лица, Энгельгардтъ, но уже по нѣскольку выпусконъ вмѣстѣ, то-есть людей почти вовсе другъ-другу незнакомыхъ, и неимѣвшихъ ничего общаго ни въ воспоминаніяхъ, ни даже въ лѣтахъ. Наконецъ и эти разностильнныя сборища прекратились. Изъ 29 человекъ, составлявшихъ первый выпускъ, остается въ живыхъ только 10, а въ Петербургѣ живетъ постоянно не болѣе четырехъ или пяти. Самому младшему за 60 лѣтъ, и, вѣроятно, уже не далеко время, когда послѣдному изъ нихъ лицейскую годовщину

Торжествовать придется одному.

В. Гаевскій.

